

НИЖЕГОРОДСКИЙ ЯРМАРОЧНЫЙ СПРАВОЧНЫЙ ЛИСТОКЪ.

Выходитъ ежедневно, исключая дней, слѣдующихъ за праздни-
ками, съ 13 июля по 1 сентября.
Подписка принимается въ конто-
ръ редакціи Ярмарочнаго Спра-
вочнаго Листка, въ боковомъ от-
дѣленіи, главнаго ярмарочнаго
дома.

ИЗДАНИЕ НИЖЕГОРОДСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

Среда

№ 33. 25 августа 1865 г.

Объявленія для напечатанія въ
«Ярмарочномъ Листкѣ» прини-
маются въ конторѣ редакціи.— Съ
каждой буквы и пиеры обыкно-
веннымъ шрифтомъ платится за
одинъ разъ $\frac{1}{2}$ коп., за два раза
 $\frac{3}{4}$ коп., за три раза по 1 коп.,
съ мѣста, а не съ буквы и пиеры
объявленія, взимаются по особой
таксѣ, имѣющейся въ конторѣ.

Цена Ярмарочнаго Справочнаго Листка: безъ доставки — 2 руб., съ доставкою 2 р. 50 к., съ почтовой пересылкой — 3 руб.
Отдѣльные номера продаются по 10 к. с.

МѢСЯЦЕСЛОВЪ.

Августа 25. Ап. Варфоломея и Тита.

ОТВѢТЪ Г. ЛАМАНСКОМУ.

(Окончаніе).

Изъ всего сказаннаго прежде уже ясно обнаруживается различіе между фискальными и покровительственными пошлинами и на сколько тѣ и другія не обходимы. Однѣ составляютъ налогъ неизбѣжный, а въ такой странѣ какъ Россія, налогъ наименѣе сременительный и совершенно правильный, но никогда и нигдѣ не можетъ этотъ налогъ творить народное богатство, или содѣйствовать его развитію; а другія являются, какъ истинные хранители и творители народнаго богатства, и въ такой отсталой странѣ, какъ Россія, существенно необходимы особенно въ настоящее время.— Посудьте сами. Если въ былое время, при недостаткѣ покровительственныхъ пошлинъ, народы подвергались монополіи одного какого нибудь города или одного государства, опередившаго на торговомъ и промышленномъ поприщѣ, и отъ того страдали весьма много; то каково будетъ намъ теперь, когда нахлынуть на насъ и Великобританія, и Франція, и Бельгія, и сѣверная Германія, особенно Пруссія, такъ далеко насъ опередившія и такъ громадно разившія свои производительныя силы?—Нѣтъ, прежде намъ, отсталымъ, надобно догнать всѣ эти народы, развить вполнѣ наши производительныя силы, и тогда можемъ уничтожить протекціонныя пошлины, и то съ большою осторожностію. Но до тѣхъ поръ мы должны крѣпко держаться рационально-охранительнаго тарифа. Въ чемъ должна заключаться эта рациональность и вообще рациональность пошлинъ? Это стоитъ того, чтобы поговорить. Но отложимъ это до другого раза. Вы жалуетесь на то, что по мнѣнію вашему, покровительственныя пошлины враждебны фискальнымъ, что они отнимаютъ у казны тотъ доходъ, который получала-бы она, если бы не было протекціонныхъ пошлинъ, и потому желаете для выгодъ казны ихъ уничтоженія.

Положимъ, что эти ненавистныя протекціонныя пошлины уничтожены. Чтожъ отъ этаго выиграетъ казна? Фискальныя пошлины напредметы нашего потребленія, по не производимыя у насъ останутся по прежнему и при уничтоженіи протекціонныхъ и слѣдственно тутъ не будетъ ни какой выгоды казнѣ. Если вы предлагаете возвысить тогда фискальныя пошлины, то ктожъ мѣшаетъ это сдѣлать и теперь?

Уничтожая протекціонныя пошлины, вы тѣмъ явно лишаете получаемаго теперь казну дохода. Но предполагая уничтоженіе нашихъ мануфактуръ чрезъ уничтоженіе протекціонныхъ пошлинъ, казна можетъ лишиться значительныхъ доходовъ отъ акцизовъ и другихъ налоговъ, собираемыхъ внутри страны, такъ какъ выгодная народная дѣ-

тельность уменьшится; и направленіе нашего производства однихъ сырыхъ продуктовъ совершенно невозможно по физическому строю нашего государства. Притомъ примите въ соображеніе: 1) пониженіе пошлины само собою уже не увеличиваетъ дохода казны, если это пониженіе не сообразно съ возрастаніемъ или прогрессомъ народнаго богатства, что и доказывается теперь у насъ на самомъ дѣлѣ.—Мы съ 1250 года постоянно понижаемъ пошлины, но таможенные сборы не только не увеличиваются, а упадаютъ, тогда какъ при Канкринѣ при возвышеніяхъ пошлинъ таможенный доходъ увеличился втрое противъ 1822 года. 2) Не только пониженіе протекціонныхъ пошлинъ, но и уничтоженіе ихъ, доставить можетъ у насъ въ Россіи, для весьма небольшого класса людей богатыхъ или тароватыхъ только ничтожную выгоду, которая не можетъ побудить къ увеличенію оттого ихъ потребленія. (Не забудьте, что рѣчь идетъ о протекціонныхъ пошлинахъ, слѣдственно о такого рода товарахъ, которые не представляютъ неизбѣжной необходимости пріобрѣтать ихъ). Потребленіе этихъ предметовъ увеличивается модою и обиліемъ денегъ въ рукахъ людей предавшихся роскоши, независимо отъ пошлинъ и 3) уничтоженіе мануфактуръ уничтожитъ потребленіе тѣхъ иностранныхъ матеріаловъ, которые теперь онѣ покупаютъ и казна должна потерять на пошлинахъ.

Средства къ поправленію нашего экономическаго положенія для меня понятны. Конечно они заключаются не въ одной рациональности тарифа, но здѣсь объяснить это не мѣсто: оно завлекло-бы меня очень далеко, пришлось бы писать длинный проэктъ, опредѣляющій систему дѣйствій и самый способъ ея исполненія. Вы говорите, что для возстановленія нашихъ экономическихъ дѣлъ необходимо только развитіе кредита, но какъ это сдѣлать вы не сказали, а я вамъ скажу, что безъ рациональнаго тарифа одинъ кредитъ не поможетъ и лучшимъ тому доказательствомъ служатъ факты, изложенные американцемъ Керри. Онъ указываетъ, что всякій разъ, когда американское правительство сильно нарушало рациональность тарифа, возникало множество банковъ и это потому, что всѣмъ требовались деньги и кредитъ и однакожъ это развитіе кредита не помогало а мериканцамъ дѣла и ихъ все шли хуже и хуже, до тѣхъ поръ, пока къ числу умножившихся банковъ не присоединялись разумныя пошлины.

Дай Богъ, чтобы я достигъ своей цѣли; дай Богъ, чтобы я успѣлъ поколебать ваши вѣрованія въ libre échange. Я самъ былъ фритредеромъ до 1846 года, но познакомившись ближе съ жизнію народа русскаго, я увидѣлъ, что жестоко ошибался. Впрочемъ ученіе Листа на меня подѣйствовало. Керри, столь извѣстный своими экономическими сочиненіями, писанными въ духѣ libre échange'a и превознесенными всѣми экономистами, тоже около того времени перемѣнилъ свои убѣжденія. Этого я ожидаю и отъ васъ.

А. Шиповъ.

БЪЛКИ ВЪ КОЛЕСЬ.

(Очерки изъ развеселаго ярмарочнаго жита).

(Продолженіе).

Мы не ставемъ описывать вступленія Любы въ трактиръ. Всякій, кто видалъ трактирныхъ пѣвицъ во всемъ ихъ блескѣ, можетъ вообразить, каково было ей привыкать къ этой жизни. За то, оглядѣвшись немного, Люба точно въ отчаяніи такъ широко размахнулась, что скоро запуталась въ штрахахъ и надолго втянулась въ кабалу. Тутъ только она опомнилась и съ ужасомъ оглянулась на бесполезно потраченное время и здоровье. Деньги, на которые она надеялась, всѣ были потрачены и, по крайней мѣрѣ, годъ нуженъ былъ для вознагражденія этой утраты.

— А что, если я совсѣмъ успѣю за это время втннуться въ эту жизнь? — мелькнуло въ ея головѣ и тоскливо заныло ея сердце.

Два года промоталась она въ трактирѣ, пока, наконецъ, вмѣстѣ съ прочимъ товаромъ не прибыла на Нижегородскую ярмарку, гдѣ мы встрѣтились съ ней въ 1-й главѣ настоящихъ очерковъ.

На другой день Николай Ивановичъ проснулся въ какомъ-то горячечномъ состояніи. Въ головѣ пустота, во всемъ организмѣ неприятно тревожное ощущеніе полноты и жара, а на душѣ какое-то смутное неопредѣленное чувство, какъ будто-бы онъ или потерялъ что-нибудь или сочинилъ капитальную глупость. Мало по малу началъ выясняться предъ нимъ въ ранній день — и сердце его вдругъ судорожно вздрогнуло. «Глупецъ! ну, чего затревожился!» укорилъ онъ себя за это невольное движеніе. «Нѣтъ, надобно попристальнѣе наблюдать за собой; иначе такихъ глупостей настроишь! А послѣ байса!» Онъ началъ тревожно ходить изъ угла въ уголъ. «Эдакая дурь!» повторялъ онъ отъ времени до времени, отмахиваясь руками. А предъ его глазами ясно рисовался вчерашній страстно-влажный взоръ красавицы и, казалось ему, что онъ еще чувствовалъ на своихъ плечахъ прикосновеніе этихъ мягкихъ, теплыхъ ручекъ... «Нѣтъ, лучше не думать, а то до чертиковъ задумаешься. Я ужь, кажется, близокъ къ этому». Это легко было только сказать: дурь весь день металась ему въ глаза, и, не смотря на мудрое рѣшеніе провести весь этотъ день дома, онъ все-таки къ вечеру отправился на ярмарку. Но даже самъ устыдился своей слабости, когда подошелъ къ знакомому трактиру, и, несмотря на то, что его сильно тянуло туда, храбро прошелъ мимо его и отправился къ Телѣгину. Телѣгинъ сидѣлъ за перепиской какихъ-то бумагъ. Онъ не оставилъ работы, увидя вошедшаго Кудрина и даже не подалъ ему руки.

— Здоровъ? только спросилъ онъ, сбоку кивнувъ ему головой.

— Здоровъ, нехотя отвѣтилъ Кудринъ.

Настало молчаніе.

— Шабашъ! произнесъ наконецъ Телѣгинъ, складывая бумаги, теперь и мнѣ можно осмыслиться, и онъ выпилъ рюмку наливки. — Ну, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Кудрину и закуривая сигару, — что вчера не заходилъ ко мнѣ?

— Я тамъ былъ.

— Ого! это въ сосѣдяхъ-то? Ну, что-же, съ успѣхомъ?

— Да, я разговаривалъ долго съ ней (Телѣгинъ состроилъ гримасу). Ахъ, еслибы ты зналъ, какая это милая дѣвушка — просто совершенство! съ энтузіазмомъ произнесъ Кудринъ.

— Вотъ какъ! Зубы у ней только разошлись спереди, замѣтилъ я вчера.

— Александръ! съ упрекомъ произнесъ Кудринъ.

— Я только хотѣлъ замѣтить тебѣ, что она вовсе не совершенство: недостатокъ на самомъ видномъ мѣстѣ. Впрочемъ, тебѣ лучше знать. Те-те-те! постой-ка! — онъ прямо

установился на товарища, — ужь ты, кой грѣхъ, по обыкновению, не вторился-ли въ нее?

Кудринъ хотѣлъ что-то выразить, но только заморгавъ глазами и смѣшался, почувствовавъ, какъ вспыхнуло его лицо и краска разлилась на уши, шею и огнемъ охватила все тѣло. Телѣгинъ расхохотался.

— Честь имѣю поздравить! (Кудринъ готовъ былъ заплакать) Ну, знать дѣлать нечего — придется одѣться.

— Куда ты? встрепенувшись вскричалъ Николай Ивановичъ.

— Да все твое-то же совершенство поизсѣдовать: я охотникъ до подобныхъ вещей. Кстати и пообѣдаемъ тамъ.

— Къ чему, Александръ! Я было не хотѣлъ сегодня туда идти, съ нерѣшительностью замѣтилъ Кудринъ.

— Вижу, что-то ты и прикатилъ на ярмарку-то. А ты полно ежиться-то, самъ видишь, что врешь. Шагаемъ!

Любочка встрѣтила Николая Ивановича съ блестящими глазками и милой улыбкой, весело поздоровалась съ нимъ и безъ перемони успѣлась съ нимъ рядомъ.

— Я не помѣшаю вамъ? — спавничила она.

— О, нисколько! Мы напротивъ очень рады, сказалъ Кудринъ.

— Разумѣется! рѣзко подтвердилъ Телѣгинъ, такъ что дѣвушка взглянула на него съ какимъ-то испугомъ.

Телѣгинъ очень дипломатически повелъ разговоръ, (Кудринъ больше предавался созерцанію и меланхолически мечталъ про себя) забавно началъ шутить, и очень искусно, между рѣчью, успѣлъ вывѣдать отъ нея всю ея жизнь и условія трактирнаго жита. Любочка разболтала о себѣ все, что мы уже сказали о ней. Кудринъ только отдувался, когда рѣчь заходила о вещахъ щекотливыхъ.

— Съ рефлексіей дѣвушка! замѣтилъ Телѣгинъ, когда ее кликнули играть на органѣ въ другую комнату. Только и понатерлась-же она здѣсь! И вино отлично дуетъ. А все-таки она, хоть и не совершенство, какъ ты выражаешься, а получше другихъ будетъ. Башка есть и мозги ходятъ.

— Не правда-ли?... Я говорилъ тебѣ! обрадовался Кудринъ.

— Оно пожалуй и правда отчасти, только увлекаться-то я все бы тебѣ не совѣтовалъ: вредно тебѣ это, батенька мой!

— Ты меня точно ребенка поучаешь, съ неудовольствіемъ замѣтилъ Кудринъ.

— Я такъ только замѣтилъ. Самъ возрастъ имѣешь, мнѣ плевать на все.

Вечеръ окончился, какъ говорится, *рыдькой*. Любочка воротилась слегка вынвинивши и снова успѣлась рядомъ съ Николаемъ Ивановичемъ. Онъ въ ея отсутствіи, тоже не много осмыслился, по выраженію Телѣгина, т. е. пропустилъ рюмки двѣ, три. Скоро между Любой и Николаемъ Ивановичемъ завязался интимный разговоръ вполголоса. — Николай Ивановичъ очевидно совѣстился разговаривать съ ней вслухъ при своемъ пріятелѣ. Съ одушевленнымъ лицомъ онъ что-то напѣвалъ своей красавицѣ. Она ласково слушала его, слегка склонившись къ его стулу и покуривая папироску. Телѣгинъ съ досадой смотрѣлъ на эту сцену. «Въ сдѣлано поѣхало — размалѣлъ царень. Глупо! думалъ онъ, медленно прихлебывая изъ стакана. Вѣдь онъ съ дуру-то пожалуй вздумаетъ на ней нѣжный поцѣлуй ипечатлѣть; отъ него это станется. Право-же разговю!»

— Такъ, значить, у насъ дѣло-то на мази, прибавилъ онъ рѣзко вслухъ.

Дѣвушка съ неудовольствіемъ взглянула на него. Николай Ивановичъ вскочилъ блѣдный, съ сверкающими глазами.

— Александръ! есть у тебя совѣсть-то!...

— Фу ты, какъ трагично! Тутъ дѣло, батенька мой, совѣсти не касается, объ ней здѣсь не спрашиваютъ.

Кудринъ сжалъ кулаки и закрипѣлъ зубами.

— Полноте! шепнула ему Люба, крѣпко сжавъ его руку. Оставьте его, невѣжу, я васъ понимаю. Приходите одни, я вамъ буду очень рада. Стыдно вамъ! прибавила она обращаясь къ Телѣгину и быстро выпшла изъ комнаты.

— Цивикъ! неудержался Николай Ивановичъ и вылетѣлъ вонъ, позабывъ даже распахнуться,

— Что же, звание почетное? Ну, разлетѣлись. И пре-
любезное дѣло. Теперь — пора и мнѣ, уплывать. Эй, поло-
вой! Получи, братецъ!...

— Онъ любезенъ, онъ отозванъ! —

Съ этого времени Николай Ивановичъ затѣялъ тяжелую и
безполезную борьбу съ собой. Слова Телѣгина, что «дѣло
на мази», сильно смущали и возмущали его. «Борюсь!» го-
ворилъ онъ своему другу, подружившись уже съ нимъ
на другой день. «Ну, и на здоровье! комически замѣчалъ
тотъ. А, право, можно бы и безъ этого обойтись.» Ничего
не отвѣчалъ Николай Ивановичъ на подобное замѣчаніе, хотя
тоже говорила его задняя мысль. «Я не хочу оскорбить
чувства, думалъ онъ, декламируя про себя, я долженъ имѣть
на нее влияние, чтобы заставить ее понять всю пошлость ея
жизни. Если и погибнетъ, то пусть погибнетъ съ сознани-
емъ, а не какъ животное.» Почти каждый день бывалъ онъ
у Любы, и возвращаясь оттуда послѣ сценъ, подобныхъ той,
какая представила при первомъ его свиданіи съ шарманкой,
взволнованный, одурѣвшій отъ страсти и требованій, хотя
нервнато, но молодого еще организма, онъ горько укорялъ
себя въ надувательствѣ своей собственной персоны, — хотя,
ужно замѣтить, онъ всегда былъ искрененъ даже въ ак-
терствѣ, въ томъ, что вовсе не выдуманная имъ честная
цѣль, а другая, задняя мысль влекла его къ красавицѣ.
Между тѣмъ какъ онъ бесполезно тратилъ свои силы въ
выдуманной имъ борьбѣ и проводилъ время въ красно-
рѣчиыхъ разговорахъ, — время шло да шло и очень невы-
годно отзывалось на положеніи Любочки. Деликатное обхож-
деніе съ ней Николая Ивановича, его строгое дѣломудріе въ
словахъ и поступкахъ сильно озадачивали сначала молодую
дѣвушку. «Что это за человѣкъ?» недоумѣвала она по его
уходѣ, когда съ ея усиліемъ разшевелить его оставались на-
прасными. Мало по малу она начала сильно завлекаться имъ
и кончила тѣмъ, что всей душой отдалась Кудрину: что-то
давно когда-то прочувствованное слышалось ей въ немъ, а
главное это былъ первый человѣкъ, который, казалось за-
былъ въ ней шарманку и отнесся къ ней такъ сочувствен-
но. Но тѣмъ сильнѣе бросился ей въ глаза контрастъ всей
ношлой обстановки трактира, тяжелѣе стало сносить гряз-
ныя любезности трактирныхъ гостей. Она отказывалась пѣть
предъ гостями. «Грудь болитъ,» говорила она, когда ее за-
ставляли держаться всѣхъ условій кабацкой жизни. Хо-
зяинъ вынужденъ былъ взять ей въ помощницы дѣвушку
изъ другого трактира. На Любѣ все это отзывалось, разу-
мѣется, штрафами и вычетами. Горькой цѣной здоровья и
тяжелой борьбы заработанныя деньги снова улетали у нея
изъ рукъ, а осязательной помощи, кромѣ сочувственно
краснорѣчивой болтовни милаго человѣка, впереди непредви-
дѣлось. Тамъ слова ждала ее тяжелая кабальная зависимость
отъ возмутительно-пошлой спекуляціи торговцевъ чужой
жизнью.

Была уже половина ярмарки. Николай Ивановичъ цѣлую
цѣлую не бывалъ у своей красавицы и ничего не зналъ о
ней за это время. По обыкновенію, съ замираніемъ сердца
прилетѣлъ теперь онъ туда и сильно забеспокоился, взгля-
нувъ въ обѣ комнаты и не видя ни Любы, ни ея подруги.
«Ужь не уѣхали-ли?» тревожно шевельнулось въ немъ и
онъ неловко остановился, не зная, идти-ли ему вонъ или
пораспросить о Любѣ. Послѣднее, казалось, ему очень не-
ловкимъ.

— Погулять она вышла ненадолго съ гостемъ, вполго-
лоса, замѣтилъ ему одинъ изъ половыхъ, видя его нерѣши-
тельность и безпокойные взгляды.

— Куда? — невольно вырвалось у него, хотя сердце его
тревожно заколотилось и ему ужасно сдѣлалось досадно на
вмѣшательство въ его дѣла посторонняго человѣка.

— Извѣстно куда! — Половой усмѣхнулся. (Николаю Ива-
новичу захотѣлось дать ему затрещину за эту улыбку). — Да
вы поощаждте маленько: она, надо полагать, скоро воро-
тится. Покучивать она очень у насъ стала нынѣ. Хозяинъ
крѣпко журилъ ее это, сказывала ей подруга, и штраф-
ныхъ за ней много записалъ: съ гостями вовсе не зани-
мается, только пьетъ, да дуритъ. А этого здѣсь, извѣстно

нельзя. Нынче только въ первый разъ за эти дни съ гостемъ
сошлась — (Кудринъ молча грызъ ногти). — Чайку по-
дать прикажете?

— Подай.

Крѣпко задумался Николай Ивановичъ: чай такъ и сто-
ялъ предъ нимъ нетронутый. Немного спустя за дверью раз-
дался фальшивый, визгливый голосъ:

Съ канторщи-пчкомъ гуляла-а!

Ну, что-жь? кому дѣло — гуляла?

и въ комнату влетѣла Люба. Платочекъ на головѣ ея былъ
сбитъ на сторону, бурнусъ висѣлъ на рукѣ, неприглажен-
ные волосы прилипли къ вискамъ, а на похудѣвшемъ, по-
крытомъ красными пятнами, ухорски-наглому лицѣ ея пер-
во свѣтились больніе посоловѣвшіе глаза. Кудринъ содро-
нулся, увидѣвъ ее, и что-то похожее на отвращеніе шевель-
нулось въ немъ. «Неужели я не любилъ ее?» мелькнуло въ
его умѣ.

— Николай Ивановичъ здѣсь, шеннуйъ Любѣ половой.

— Гдѣ? быстро спросила она, вся, вздрогнувъ и бояз-
ливо глядявая залъ. Глаза ея встрѣтили блѣдное лицо мо-
лодого человѣка, и вся фигура ея вдругъ измѣнилась: она
какъ-будто отрезвѣла. — Воды мнѣ въ чуланъ — умыться! про-
шептала она торопливо и, стараясь держаться прямо, на
цыпочкахъ пробралась въ боковую комнату.

Кудринъ уже всталъ и расплачивался, намѣреваясь бѣ-
жать вонъ, хотя ему и хотѣлось дожидаться Любы, когда
она снова вошла въ залъ уже причесанная и оправленная.

— Здравствуйте! здоровы-ли? чинно проговорила она,
не поднимая глазъ, и осторожно присѣла къ столу, стара-
ясь держаться ровнѣе. Что вы не бывали... долго ужъ? (Ее
сильно качнуло впередъ). И васъ все ждала. Нѣтъ-ли у
васъ папирски? (Кудринъ молча закурилъ и подаль ей, серд-
це его первно дрожало). А у насъ давиче гости были...
(папирска вырвалась у нея изъ рукъ) — Ну, чортъ съ ней!..
всѣ-ѣхъ перепили! и подруга напилась, и хозяинъ напил-
ся и... съ полдня все пили... (Ее начало сильно покачи-
вать: она разложила руки по столу и положила на нихъ
голову). — Пьяная! прошептала она: гадко тебѣ смотрѣть-то
на меня? серднись, милый, ты?

— Какое-же я имѣю право! сухо проговорилъ онъ, но
тутъ-же укорилъ себя за эту пошлую фразу. Любушка под-
няла голову.

— А ты меня чѣмъ-нибудь угостишь? суданскаго бу-
тылку?

— Лишнее это, кажется. Выпейте-ка лучше чаю, это бу-
детъ приличнѣе: онъ освѣжитъ васъ. Онъ придвинулъ ей
стаканъ. Она подняла голову, молча придвинула къ себѣ ста-
канъ и долгимъ, серьезнымъ взглядомъ посмотрѣла на Нико-
лая Ивановича; потомъ снова тихо опустила голову.

— Да! тихо заговорила она растягивая слова, — грязная!
пьяная!... Ну такъ что-жь? вскричала она вдругъ встрепе-
нувшись, послѣ короткаго молчанія. И опять стану пить —
нельзя не пить!... все пропью!.. и себя пропью, — гори все по-
лымемъ!... Она сильно ударила кулакомъ по столу, такъ что
запрыгали стаканы. Николай Ивановичъ сдѣлалъ движеніе къ
ней.

Хочешь, скандалъ сдѣлаю? вскричала она вдругъ взгля-
нувъ на него съ какимъ-то наглымъ отчаяніемъ. Всѣ ста-
каны къ чорту полетятъ... Эхъ! все одно ужъ штрафы-то
платить!... (Николай Ивановичъ былъ какъ на иголкахъ: его
такъ и подмывало бѣжать). Вы что, мерзавцы надо мной
смѣетесь? съ гоноромъ крикнула она, обращаясь къ одному
изъ столовъ, занятому какими-то мастеровыми.

— Очень ужъ барышня-то вы занятая! отвѣтили от-
туда. Люба сдѣлала движеніе вскочить и разразилась бранью.
Кудринъ съ испугомъ схватилъ ее за руку.

— Что вы? перестаньте, иначе я уйду торопливо про-
говорилъ онъ. Любушка крѣпко сжала его руку и тоскли-
во взглянула ему въ лицо.

— Голубчикъ! возьми меня съ собой!

— Куда-же я возьму васъ! отвѣчалъ онъ какъ-то ма-
шиннально.

— Эдакую-то? (она не хорошо усмѣхнулась). Да, нель-
зя тебѣ; ну и не надо!... Я, вѣдь, пьяная, скверная!...

Губы ея начало подергивать. Николай Ивановичъ поблѣд-
нѣлъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери. Любушка вдругъ

вскочила и покачиваясь кинулась за нимъ.

— Прибей ты меня!... съ рыданьемъ въ голосъ вскрикнула она и тяжело бросилась ему на шею.

— Люба! Люба! опомнись! съ испугомъ заговорилъ онъ, потому что сцена эта начинала уже привлекать вниманіе трактирныхъ гостей, и быстро увлекъ ее въ сѣни. Что ты? сумашедшая!...

Она крѣпко прильнула къ его плечу. Плечи ея судорожно вздрагивали; Николай Ивановичъ разсѣливалъ глухія, сдержанныя рыданья. «Водка плачетъ!» подумалъ онъ, но тутъ-жъ что-то сказало ему, что не водка причиной этихъ горькихъ надломленныхъ рыданій, что дѣйствительно взять бы ее слѣдовало отсюда, приласкать и успокоить, а не брыкаться и не злиться на то, что она должна была сдѣлать, пошнуясь условіямъ своей жизни. «А дальше-то что?» Онъ совершенно растерялся и не имѣлъ духу оторвать отъ себя молодую дѣвушку; что-то вродѣ еовѣсти заговорило въ немъ.

— Любочка! мягко наконецъ проговорилъ онъ тихо освобождаясь изъ ея рукъ, поди-усни, успокойся—лучше тебѣ будетъ.

— Ты не придешь, вѣдь, ужъ? всхлипывая спросила она, приподнявъ голову и тоскливо взглянувъ ему въ лицо.

— Приду, приду! скоро проговорилъ онъ, стараясь скрыть свое волненіе, и быстро спустился съ лѣстницы.

Нѣтъ, ужъ не придетъ! Гадкая я! съ рыданьемъ вскричала она и судорожно схватилась за перила лѣстницы. Половые оттащили ее въ чуланъ.

Николай Ивановичъ съ самыми растрепанными чувствами прибѣжалъ къ своему другу, едва кивнувъ ему головой и быстро началъ ходить по комнатѣ. Телѣгинъ курилъ сигару, лежа на диванѣ и молча посматривалъ на Кудрина, улыбаясь своей кривой улыбкой.

— Ты что болѣе разбѣгался? спросилъ онъ его наконецъ; чувства, что-ли, излить пришелъ? Изволь—я горшокъ терпѣливый, выносливый.

— Ты вѣчно съ шутками!... Ахъ, Александръ! еслибы ты зналъ.

— Знаю. Она у меня вотъ тутъ, въ сосѣдахъ, была. (Онъ кивнулъ головой на окно, въ которое надъ деревянной аркой виднѣлся шестъ, увѣнчанный флагомъ и вѣшикомъ) Я видѣлъ, какъ она выходила оттуда въ очень привлекательномъ видѣ. Развѣ что набѣдокурила?

Кудрина сильно покоробило.

— И тебя это нисколько не тревожитъ? не возмущаетъ, что такая молодая, красивая дѣвушка, съ такими богатыми задатками, поневолѣ должна пасть такъ низко, сравняться съ послѣдней дрянью, чортъ знаетъ съ кѣмъ!

— И богатыхъ-то задатковъ что-то не замѣтилъ, ну а

на счетъ красоты-то и молодости здѣсь и проѣзжаются; эти-же таланты и отъ дряни требуются,—напрасно ты ее такъ обижашь.

— Въ тебѣ нѣтъ сердца!... Ты никого не способенъ пожалѣть! сказала Кудринъ, не слушая товарища.

— Что и жалѣть, коли нечѣмъ помочь.

— Да въ какомъ-то раздраженіи вскричалъ Николай Ивановичъ,—вотъ эта-то пошлая философія и успокоиваетъ насъ! изъ-за нея-то и страдаютъ милліоны подобныхъ существъ. Вѣдь не чурки-же, въ самомъ дѣлѣ, онѣ! Боже мой! Сознать всю пошлость, всю низость своего положенія, всѣми силами желать вырваться изъ этой грязи, и падать все ниже, ниже! И не видѣть нигдѣ спасительной руки, всюду встрѣчать только гнусную припіическую улыбку и безпощадныя проклятья, даже отъ порядочныхъ людей слышать лишь одно: нечѣмъ помочь, барахтайтесь въ грязи—вѣдь это пытка! вѣдь это... самое наглое поруганіе человѣческой личности!

— Перестань! рѣзко перервалъ его Телѣгинъ, — болѣе ужъ плохо у тебя выходить. Онъ всталъ съ дивана и прошелся по комнатѣ. — Ты думаешь, что въ самомъ дѣлѣ нѣжную страсть питаешь къ своей красавицѣ?—продолжалъ онъ, остановясь предъ товарищемъ. Себя ты, батенька, любишь, свою собственную персону, а она только снарядомъ какимъ-то служить для упражненія на немъ твоего цвѣтстаго воображенія. Вотъ погоди, какимъ-ты подлецомъ передъ ней окажешься, право окажешься! И глазъ такихъ на меня таращить не нужно: признаки-то и теперь на лицо. Ну-ка, сдѣлай-ли ты что-нибудь для нея въ ярмарку-то? (Кудринъ поблѣднѣлъ) Такъ вотъ оно и есть! Выдумалъ себѣ какую-то любовь, да и носишься съ ней, какъ съ куклой, рядишь ее въ разныя пестрыя тряпки по своему вкусу. Накутаешь ее, наконецъ, до того, что самому гадко станетъ, — ну, и плюнешь. Эхма!

Онъ какъ-будто на самого себя разсердился за эту длинную тираду и быстро зашагалъ по комнатѣ. Кудринъ сидѣлъ потупя голову. Онъ не ожидалъ такого оборота. Часто онъ укорялъ себя въ нечистотѣ побужденій касательно Любочки, но не въ полнѣйшемъ банкротствѣ; а между тѣмъ онъ не могъ отрицать правды словъ Телѣгина, хотя и хотѣлъ сначала возражать ему. Скверно было у него на душѣ, разорвался-бы онъ въ эту минуту...

II—скій

(Продолженіе слѣдуетъ).

СПРАВОЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ЗРѢЛИЩА И УВЕСЕЛЕНІЯ:

ВЫСТАВКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ,

открыта въ главномъ домѣ ежедневно съ 9 часовъ утра до 4 и съ 8 вечера до 9-ти. Плата за входъ: днемъ — 25 к., вечеромъ — 50 к. с.

Вся коллекція картинъ (изъ 150 экземпляровъ) составлена изъ лучшихъ образцовъ русской живописи.

На выставкѣ будетъ разыграна лотерея картинъ; цѣна билетамъ 1 р. с. Выигрыши будутъ выдаваться въ послѣдній день выставки; о чемъ будетъ въ свое время объявлено.

АМЕРИКАНСКІЙ ТЕАТРЪ.

(Около татарской мечети).

Извѣстныя всей Европѣ представленія американскихъ гимнастовъ. Начало представленія въ 8½ часовъ. Во вторникъ 24 августа бенефисъ г. Нейса, съ новыми еще не бывшими перемѣнами.

ВЪ ТЕАТРЪ-ЦИРКЪ

вновь ангажированными артистами и артистками, труппы волтижеровъ, акробатовъ, подъ дирекцію А. При сѣ дается ежедневно большое великолѣпное представленіе, состоящее изъ коннаго ристанія, сирійско-олимпійскихъ игръ, разныхъ балетныхъ танцевъ, гимнастико-акробатическихъ и англо-римскихъ скачекъ.

При нынѣшнемъ № Листка прилагается особое объявленіе о новыхъ косметическихъ средствахъ доктора И. Т. Жуковскаго.

РЕДАКТОРЪ А. ГАЦИСКІЙ.

Печатано въ типографіи Пендрина.

Дозволено цензурой 25 августа 1865 г. Н.-Новгородъ.